



Белов Михаил Ипатович

ПРЕОДОЛЕВАЯ «ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ»

Родился 7 ноября 1924 года в крестьянской семье, деревня Алексеевка Мишкинского района Башкирской АССР. Русский. Воспитан на идеалах православия. С 1939 г. член ВЛКСМ, с 1944 г. член ВКП/б/ — КПСС.

До Великой Отечественной войны в 1938 году окончил неполную среднюю школу — семилетку, 6 классов в деревне Тынбаево, 7-й класс в деревне Казанцево. С сентября 1939 года по февраль 1942 года учился в педагогическом училище города Бирска Башкирской АССР. В летние каникулы вместе со сверстниками и взрослыми трудился на колхозных полях. Вечером 22 июня 1941 г. в Алексеевке на уличной молодежной гулянке узнали от возвращающегося из Бирска колхозника о нападении фашистской Германии. Никто из нас не сомневался, что немцы получат должный отпор. В деревушке радио еще не было. Официальное сообщение из Тынбаевского сельсовета о войне пришло утром следующего дня. На колхозном собрании было объявлено, что предстоит мобилизация и война, по-видимому, предстоит жестокая.

С осени 1941 года продолжил учебу на 3-м курсе педучилища. Вместе со сверстниками стал добиваться отправки на фронт. Наше стремление не было только юношеским порывом. Оно шло от сердца, от ощущения долга перед рабоче-крестьянским государством, строившим новую жизнь, основанную на социальной справедливости. Ведь

мы были воспитаны на идеях Октября 1917 года, на героике Гражданской войны, сражений с японцами на Хасане, Халхин-Голе, боев за Республиканскую Испанию и с белофиннами. Нас вдохновляли патристические персонажи произведений Н. Островского, М. Горького, А. Фадеева, А. Толстого, Ф. Гладкого, А. Гайдара и ряда других писателей того героического и романтического времени — подлинных «инженеров человеческих душ», ставивших целью формирование человека социалистической формации.

Мы, сыны крестьянские, впервые в истории страны, получившие широкий доступ к образованию и культуре, интуитивно чувствовали и во многом сознавали, что рождены, дабы защитить страну от агрессора, вывести ее к новым, небывалым высотам, построить в ней общество социальной справедливости и благоденствия человека труда. Порыв наших юных сердец не остался без отклика. После нескольких заявлений в военкомат вместе с большинством ребят-третьекурсников в феврале 1942 г. получил направление во вновь развертываемое Военно-пехотное училище в городе Гурьеве Казахской ССР. Учился в пулеметном батальоне.

Более полутора тысяч ребят разных национальностей — русских и башкир, татар и марийцев, чувашей и украинцев, белорусов и удмуртов — стали курсантами первого набора ГВПУ.

Ускоренный десятимесячный курс обучения был исключительно напряженным. Занятия шли от темна до темна. Первая половина дня, как правило, посвящалась огневой подготовке, тактике и топографии. Затем следовали строевые занятия, уроки физкультуры и рукопашного боя, изучение матчасти, уход за табельным оружием.

Крепкий ночной сон прерывался ранней побудкой. Прихватив туалетные принадлежности, строем бежали на берег Урала, умывались, делали зарядку, бегом возвращались в казарму — бывшую школу-десятилетку. Река разделяла город, а в нем и курсантские батальоны на «азиатские» и «европейские» — по тому берегу, на котором размещались. Наш пулеметный батальон дислоцировался в Азии. В баню, за неимением ее на своем «континенте», ходили по мосту в Европу.

Экзотическая дислокация да юношеский оптимизм сглаживали житейские трудности. Весьма скудное питание подогревало желание побыстрее оказаться на фронте, где, как представлялось, уж поесть-то будет вволю. И большинство довольно скоро там оказалось... Вот как вспоминал о событиях того времени отправленный тогда на фронт мой однокашник В.А. Кашеев в письме из Перми после одной из те-

лелепередач Клуба фронтовых друзей от 30 июля 1983 г. Привожу некоторые выдержки в авторском изложении.

«Когда он (диктор Балашов) задал вопрос, как ваша началась военная жизнь и вы вдруг ответили — закончил Гурьевское пехотное училище — у меня дрогнуло сердце, так как нас в это училище набирали только из Башкирской АССР. И я представил себе, — пишет Владимир Александрович, — как мы приехали в феврале 1943 года, как мы делали с сахаром и яйцом гоголь-моголь, кормежка была плохая, одеты в обмотки... успевали только в строю застегивать пуговицы, помнишь ли ты нашего старшину Закирова, рыжий, всегда улыбался, когда нас наказывал. Я его спас под Сталинградским направлением.

...Помнишь, — пишет далее Владимир Александрович, — как все училище было поднято по тревоге в мае 1942 года, кого зачитывали, тот выходил два шага вперед, нас забрали больше половины училища, в тот день досыта накормили рыбой и... отправили под Москву на формирование, а уже в июне нас бросили сперва на Воронежский фронт, а потом под Сталинград. Может, помнишь Юру Пузырева, Ваню Таранова — был самый худой и высокий, его на моих глазах убило, так как наша танкоистребительная пушка 45-мм попала под кинжальный огонь...

...Зной, пески, пустыня, после занятий на спине соль на гимнастерках вырисовывалась, — вспоминает он далее, — помнишь, как гоняли нас по-гусиному, когда отказывались петь, как учили ходить парадным шагом... Нам было по восемнадцать...»

Да, в памятном мае 1942 г. из ГВПУ было отправлено на фронт почти две трети курсантов из тех, кто родился до второй половины 1924 г. Как пишет Владимир Кашеев, их накормили плотнее обычного. Каждому дали по большой буханке пушистого (пеклеванного) белого хлеба — роскошь, непривычная в тылу для тех дней. Проводил я и своего близкого друга из соседней с моей родной с Алексеевкой деревушки Константиновки Леонида Ляпустина, которому, как Ване Таранову и многим другим, пришлось заплатить жизнью за ослабление яростного натиска вермахта на Сталинград.

Оставленные в училище курсанты были в обиде, что не оказались в списках отправленных на фронт. Просились, настаивали. Нас терпеливо выслушивали и... с еще большим усердием нагружали учебой. Снова стремительные марш-броски, усложненные стрельбы из пулеметов и винтовок, рытье окопов, строевая и физическая подготовка, дневные и ночные хождения по азимуту. Снова пропитанная потом

гимнастерка, протертые до дыр брюки, постоянное желание поесть бы до отвала...

Напряженность в учебе нарастала день ото дня. Огневая подготовка и тактика, занятия по рукопашному бою — до оцепенения мышц. Все это воспринималось как должное. Особенно после оглашения приказа № 227, раскрывавшего драматичность ситуации на фронте. С нетерпением ждем, когда встанем на пути зарвавшегося врага: уверены — уж мы-то не подкачаем!..

И вот на исходе декабря 1942 г., в новенькой командирской форме с самодельными рубиновыми кубиками на малиновых петлицах, с загорелыми и счастливыми лицами, первые выпускники ГВПУ слушали в строю долгожданное обращение начальника училища полковника В.П. Старостина:

— Дорогие товарищи! От имени Родины, Партии и Правительства поздравляю вас с окончанием училища, с присвоением лейтенантских званий.

Наше «ур-ра!» звучит звонко и радостно.

— Уже завтра, — продолжает полковник, — все вы направляетесь в академию!!!

— ?!

— Да, да, не удивляйтесь. Ибо фронт — это высшая, самая лучшая академия! Нигде и никогда не забывайте, что вы «гурьевцы», первые питомцы нашего училища, дорожите этим, создавайте и умножайте боевые традиции своего училища. Дорожите званием командиров Красной Армии!..

В городе Красноармейске под Сталинградом получил назначение в 28-ю армию, которая в составе Южного фронта (переименованный 1 января 1943 г. в Сталинградский) развивала наступление на Ростов. Прибыв в 34-ю гвардейскую стрелковую дивизию этой армии, в составе офицерского резерва участвовал в штурме населенного пункта Самбек на одноименной реке перед рекой Миус. С 15 февраля 1943 г. стал командиром взвода станковых пулеметов “”максим”” в 107-м гвардейском стрелковом полку (гв. СП), командир-подполковник Овчинников А.И., 34-й гвардейской стрелковой дивизии (гв. СД), командир-подполковник Вельможин А.С.

Весь дальнейший мой боевой путь проходил в составе указанных полка и дивизии, последовательно входивших в 28-ю, 5-ю ударную, 46-ю и 4-ю гвардейскую армии Южного, 4-го, 3-го и 2-го Украинских фронтов, через реку Миус в районе сел Мариновка, Дмитриевка и

Степановка (июль 1943), районные центры Гуляй — Поле (август 1943), Верхний Рогачик (октябрь 1943), через Днепр в районе Днепропетровска (январь 1944), села Терноватку, Еленовку и Михайловку (февраль 1944), через города Апостолово, Кривой Рог, Казанка, Новый Буг, через реку Южный Буг в районе села Варушино (март 1944), реку Днестр в районе села Глиное (апрель 1944), станцию Арциз и город Болград в Молдавии (август 1944), через реки Прут и Сирет, города Галац и Браилов, Бухарест и Кэлэраши в Румынии (август 1944), через реку Дунай, города Силистра, Исперих и Русчук в Болгарии (сентябрь 1944), снова через Дунай и города Джурджу, Крайова, Турну-Северин в Румынии (сентябрь 1944), города Петровград (ныне Зреняние) и Новый Бечей в Югославии (октябрь 1944), через города Старый Бечей на реке Тисса, Тырбобран, Самбор, Кишкунхалаш к югу от Будапешта в Венгрии (октябрь 1944), снова через реку Дунай и город Дунафельдвар, укрепленный рубеж “”линия Маргарита”” между озерами Балатон и Веленце, через города Пакозд, Фельше-Галла и Альше-Галла к западу от Будапешта в Венгрии (декабрь-январь 1945). В мае 1945 г. побывал в составе 107-го гв. СП в Вене и других городах Австрии.

Освобождал:

— Ростовскую область западнее реки Миус в Миусской операции (17.7.-2.8.1943) в составе Южного фронта под командованием генерал-полковника Толбухина Ф.И., в 34-й гв. СД полковника Брайляна Ф.В., 107-м гв. СП подполковника Овчинникова А.И.;

— районный центр Гуляй — Поле на исходе Донбасской операции (13.8.-22.9.1943) в составе тех же фронта, дивизии и полка, под тем же командованием;

— районный центр Верхний Рогачик в Мелитопольской операции (26.9.-5.11.1943) в составе Южного, переименованного 20.10.1943 г. в 4-й Украинский, фронта под командованием генерала армии Толбухина Ф.И. в 34-й гв. СД полковника Брайляна Ф.В., 107-м гв. СП подполковника Бальва И.П.;

— города Апостолово, Кривой Рог, Казанка, Новый Буг в Никопольско-Криворожской операции (30.1.-29.2.1944) 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Малиновского Р.Я. в 34-й гв. СД генерал-майора Брайляна Ф.В., 107 гв. СП майора Щербака Н.П.;

— город Новая Одесса в Березниговато-Снигиревской операции (6-18.3.1944) в составе 3-го Украинского фронта в 34 гв. СД, 107 гв. СП под командованием тех же военачальников;

— города Болград, Кагул, Галац, Браилов, Бухарест и Кэлэраши в ходе Ясско-Кишиневской операции (20.8.-29.8.1944) и ее развития в составе 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Толбухина Ф.И. в 34-й гв. СД полковника Максимовича И.А., 107-го гв. СП подполковника Щербака Н.П.;

— города Силистра, Исперих и Рушук в Болгарской операции (8.9.-12.9.1944) в составе 3-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Толбухина Ф.И., в 34-й гв. СД полковника Максимовича И.А., 107-го гв. СП полковника Осадчего Н.П.;

— города Петровград, Новый Бечей на территории Югославии в Дебреценской операции (6-28.9.1944) в составе 2-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я. и Толбухина Ф.И. в 34-й гв. СД полковника Максимовича И.А., 107-го гв. СП полковника Осадчего Н.П.;

— города Бечей, Калоча, Шольт, Дунафельдвар, Пакозд, Фельше-Галла и Альше-Галла на территории Венгрии в Будапештской операции (29.10.1944-13.2.1945) 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием Маршалов Советского Союза Малиновского Р.Я. и Толбухина Ф.И. в 34-й гв. СД полковника Кукса Г.С., 107-м гв. СП подполковника Мусаэляна А.Г.

Боевые действия закончил 20.1.1945 г. по ранению в районе города Альше-Галла к западу от Будапешта в должности заместителя начальника штаба 107-го гв. СП по оперативной работе (ПНШ-1) в звании старшего лейтенанта. Полком командовал в это время подполковник Мусаэлян А.Г.

В боях четырежды ранен:

— 27.7.1943 г. легко ранен осколками вражеской гранаты в правое плечо. Лечился в эвакогоспитале №1336 Южного фронта до третьей декады августа 1943 г. Вернулся в 107-й гв. СП;

— 10.10.1943 г. легко ранен осколком снаряда в левый висок. Лечился в 39-м отдельном медсанбате дивизии до ноября 1943 г. Вернулся в 107-й гв. СП;

— 19.4.1944 г. легкое пулевое ранение в левое бедро. Лечился в 39-м отдельном медсанбате дивизии до апреля 1944 г. Вернулся в 107-й гв. СП;

— 20.1.1945 г. легкое пулевое ранение в левое бедро. Лечился в эвакогоспитале №5550 до 7.5.1945 г. Вернулся в 107-й гв. СП. В связи с расформированием дивизии направлен в резерв офицерского состава Южной Группы войск (ЮГВ) в Румынии.

После войны с сентября 1945 г. по июнь 1946 г. учился на курсах усовершенствования офицеров пехоты ЮГВ в румынском городе Яссы. В июне 1946 г. впервые побывал в отпуске в родной деревушке Алексеевке Мишкинского района Башкирской АССР. Затем продолжил службу в механизированных и воздушно-десантных войсках, в военных академиях Вооруженных сил СССР до ноября 1988 г. Участвовал в ликвидации инспирированного западными спецслужбами мятежа в Венгерской Народной Республике осенью 1956 года. Закончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, аспирантуру и докторантуру этой академии. В ноябре 1979 г. на должности начальника кафедры Оперативно-тактической подготовки Военно-политической академии им. В.И. Ленина получил воинское звание генерал-майора. С мая 1984 г. по март 1988 г. находился в спецкомандировке на должности советника начальника Высшей военной академии Вооруженных Сил Сирийской Арабской Республики. После увольнения из рядов вооруженных сил по выслуге лет с 1990 г. работал старшим научным сотрудником Центрального музея Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Награжден:

— орденом Отечественной войны 1 степени №28855, приказ по 46-й армии №022/Н от 03.03. 1944 г. Подписан командармом генерал-лейтенантом Глаголевым В.В.; им же вручен при моем излечении в 39-м отдельном медсанбате. Награжден, как отмечено в представлении, подписанном 12.02.1944 г. командиром 107-го гв. СП майором Щербаком Н.П., за то, что при прорыве обороны противника 31.01.1944 г. в районе Терноватки Днепропетровской области вместе с подразделениями батальона ворвался в расположение обороны противника и далее, увлекая за собой бойцов в глубину обороны, обеспечил успех всего батальона. Во время освобождения села Михайловка Апостоловского района Днепропетровской области одним из первых форсировал реку Каменка, увлекая за собой подразделения батальона, и первым ворвался в населенный пункт. 5 февраля 1944 года при освобождении станции Апостолово также проявил исключительное мужество и героизм, несмотря на сильную контратаку танкового десанта противника, сумел организовать оборону, вследствие чего атака была отбита и батальон достиг указанного командованием района, не понеся больших потерь.

Достоин награждения орденом Александра Невского. (ЦАМО, ф. 401, оп. 9543, д. 129, л. 86);

— орденом Красной Звезды №1376593, приказ по 4-й гвардейской армии №43/Н от 23.02. 1945 г. Подписан командармом генералом

армии Захаровым Г.Ф., вручен в мае 1945 г. начальником штаба 107-го гв. СП майором Комаровым С.И. в районе Фрейштадта под Венной. Согласно наградному листу, подписанному 09.01.1945 г. командиром 107-го гв. СП подполковником Мусаэляном Б.А., гвардии старший лейтенант Белов в ночь с 1 на 2 января 1945 года в боях у села Альше-Галла (Венгрия), когда противник силою до 2-х рот пехоты и 8 танков атаковал 1-й стрелковый батальон и оттеснил 1-ю и 2-ю роты, был послан мной в батальон с десятью автоматчиками для восстановления положения. По пути в батальон они подверглись обстрелу противника, и проход к батальону был невозможен.

Оставив автоматчиков, гвардии старший лейтенант Белов пробрался до рот, собрал их под огнем танков противника и повел в контратаку, восстановил положение. Руководя контратакой, старший лейтенант Белов уничтожил до сорока солдат противника и двадцать солдат пленил.

За мужество и отвагу старший лейтенант Белов достоин награждения орденом Красного Знамени (ЦАМО, ф. 336, оп. 390306, д. 1049, л. 32);

— орденом Красного Знамени № 521650, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18.12.1956 г. Подписан председателем ПВС Ворошиловым К.Е. Награжден за быструю ликвидацию в Будапеште в ноябре 1956 г. очагов вооруженного мятежа, инспирированного спецслужбами США и других стран НАТО. Вручен орден начальником штаба 31-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковником Синеокиным И.И. в г. Новоград-Волынский.

Кроме того, награжден: вторым орденом Отечественной войны I степени; орденом за службу Родине 3 степени; медалями: «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта»; «За Победу над Германией», «За укрепление боевого содружества»; «За безупречную службу» I и II степеней; «За воинскую доблесть»; «100-летие со дня рождения Ленина»; «20 лет, 30 лет, 40 лет, 50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; «20 лет, 30 лет, 40 лет, 50 лет, 60 лет, 70 лет Вооруженных Сил СССР»; орденами Сирийской Арабской Республики «За храбрость»; двумя «За боевую подготовку I степени» и семью медалями других иностранных государств.

В нашей семье Беловых, Ипата Ильича и Марии Петровны, выросло девять сыновей и дочь. Маме моей было присвоено звание «Мать — героиня». Третий из сыновей — Белов Емельян Ипатович — погиб во время репрессий в 1937 году. Воевали семеро братьев. Трое погибли в боях:

— Белов Федор Ипатович, лейтенант, воевал с августа 1941 года под Одессой, Севастополем, Сталинградом. Будучи начальником штаба партизанского отряда им. Чапаева, погиб в бою с карателями 08.08.1943 года под селом Васильевка Новомосковского района Днепропетровской области. Похоронен в братской могиле в селе Васильевка. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «Партизан Отечественной войны» 1 ст.;

— Белов Семен Ипатович, сержант, помощник командира взвода. Участвовал в 1941 году в походе в Иран, в декабрьском десанте из Новороссийска в Феодосию, в освобождении Керченского полуострова. Пропал без вести в мае 1942 года в боях на Керченском полуострове;

— Белов Михаил (старший) Ипатович, лейтенант, воевал с августа 1941 г. под Смоленском, Москвой, в Прибалтике и на Украине. Погиб при вылете на боевое задание в Житомирской области. Похоронен в братской могиле в селе Красовка Бердичевского района. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

С войны вернулись четверо братьев:

— Белов Иван Ипатович, воевавший с августа 1941 г. рядовым морской пехоты под Мурманском, а затем в г. Полярный. Награжден орденом Отечественной войны II степени; медалями «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией». Умер в 1988 г.;

— Белов Григорий Ипатович, воевавший с первого дня германской агрессии под Белостоком. Побывал в плену. С начала 1945 г. продолжил службу на 2-м Украинском фронте. Награжден орденом Отечественной войны II степени; медалью «За победу над Германией». Умер в 1986 г.;

— Белов Николай Ипатович воевал лейтенантом медицинской службы с декабря 1941 г. под Москвой, а затем на Смоленщине (около года в партизанском отряде им. Щорса), освобождал Варшаву и брал Берлин. Награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны I ст., рядом медалей. Ныне проживает в городе Уфе;

— Белов Михаил (младший) Ипатович, автор данного очерка, войну закончил старшим лейтенантом. Награды указаны выше;

— сестра Татьяна Ипатовна, в замужестве Лобова. В войну помогала фронту трудовыми делами, растила и воспитывала своих детей, один из которых — Лобов Владимир Николаевич — стал генералом армии, начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР. Умерла в 1991 г.;

— Белов Александр Ипатович — младший из братьев. Учился во время войны в Чкаловском военном училище летчиков — штурманов. Погиб в авиакатастрофе в 1951 г.

Имею около 250 научных работ, в том числе 150 опубликованных. Из них книги по тематике Великой Отечественной войны:

1. Они вели нас к победе (о командующих 46-й армии). — М.,1990. 67с.

2. Маршалы Победы. — М.,1995. 257с. (премия Всероссийского конкурса на лучшее журналистское произведение к 50-летию Победы).

3. Победители и побежденные. — М.,1996 . 383 с.

4. Полководческий феномен Жукова. — М.,1998 . 144 с.

5. Армия победных операций (о боевом пути 46-й армии). — М.,2000. 375 с.

6. Солдаты XX века. Разделы о Маршалах Советского Союза: И.Х. Баграмяне, А.И. Еременко, К.А. Мерецкове, Ф.И. Толбухине. — М.,2000. 33 с.

7. Судьба семьи в судьбе страны. — М.,2002. 540 с.

Обо мне имеются следующие публикации:

1. Книга (документально-публицистические очерки) Булатова Г.Г. Белов Михаил Ипатович. Генералы Башкортостана. Уфа, 1995. 46-53 с.

2. Книга (библиографический словарь) Чернобаева А.А. Историки России. Белов Михаил Ипатович. — М. 2000. 52 с.

3. Статья. Попов А.В. Человек большой судьбы / «Ленинец». №1625 от 16марта 1984 г.

4. Статья. Ибатов Ф.Ш. В памяти односельчан / «Советская Башкирия». № 20509 от 11 апреля 1984 г.

5. Статья. Василенко В.В. Профессор М.И. Белов / «Будинок коммунизму» от 4 января 1986 г.

6. Статья. Хабилов М.А. Впереди — встреча с генералом / «Слава труду». № 5883 от 9 мая 1986 г.

7. Статья Куманев Г.А. Уникальные исторические исследования / «Историческая газета». № 19-20. Июль — август 1997 г.

8. Статья. Хорев А.П. Вот где, Русь, твои добрые молодцы! / «Красная Звезда». № 22624-22625 от 20 июня 1998 г.

9. Статья. Кочуров Г.А. Огненные дороги Михаила Белова / «Красный воин». № 21629 от 19 января 2000 г.

10. Статья. Хабилов М.А. Мой командир / «Ветеран». № 657 от 23 октября 2001 г.

Одолеть напавшего на нашу страну германского агрессора было крайне нелегко. Прежде всего потому, что в начале войны он существенно превосходил Красную Армию в умении воевать и в техническом оснащении, имел двухлетний опыт ведения современной вооруженной борьбы и внезапными первоначальными ударами нанес крупное поражение первому стратегическому эшелону советских войск, обеспечив себе на долгое время серьезный перевес в силах и средствах. И все-таки победил Советский Союз и его Вооруженные Силы.

Почему же знамя Победы взвилось не со свастикой над Москвой, как того яростно добивались фашисты, а взвилось советское знамя Победы с серпом и молотом — и над Берлином?

Среди многих ответов на этот вопрос выделяю, на мой взгляд, наиболее весомый: потому, что в бой на врага шли мы с Родиной в сердце и, как сказал замечательный поэт, «с Лениным в башке». Советские люди не щадили себя ни в пекле сражений, ни в труде для фронта ради спасения отчизны, первой в истории человечества дерзнувшей под руководством великого Ленина утвердить в ней власть трудового народа и начать строительство общества социальной справедливости.

Победа далась нам и немалой кровью, и огромным напряжением сил населения страны, и, конечно же, ратным мастерством, которое зреет и достигает вершин только на бранных полях. Не считаю, что с первых же боев и я безусловно командовал подразделением. Но не от неумения же моего и других командиров эти подразделения заставили врага бежать с захваченных им территорий и сделать в конце концов всеобщее «Хенде хох!» Из истории никому не вычеркнуть того факта, что советские войска разгромили сильнейшую по тем временам в мире немецкую армию.

ШТУРМ ВРАЖЕСКОГО «МИУС-ФРОНТА»

17.07.1943 г. впервые довелось наблюдать из окопов переднего края мощную авиационную и артиллерийскую подготовку атаки, идти вслед за ней на прорыв сильно укрепленного оборонительного рубежа, оборудованного немцами на высоком правом берегу реки Миус. Лишь только забрезжил рассвет, утреннюю тишину разорвал грохот орудийных залпов. Через несколько десятков минут заскрежетали, завывли «катюши». Высоко в небе промчались на запад краснозвездые бомбардировщики, ниже их — штурмовики, а впереди и по бокам

юркие «ястребки». Кроваво-черные султаны разрывов закрыли западный горизонт. Вскоре на их месте образовалось клокочущее море огня и дыма. В нем все бурлило, как в адском котле. Клубящиеся волны то уходили в глубину обороны противника, то снова захлестывали его первую позицию.

Так длилось около часа. Казалось, что после этого смерча не могло остаться ничего живого. Взвилась серия зеленых ракет, и вслед за огненным валом рванули через Миус стрелковые роты. С ходу заняли первую траншею. Не задерживаясь, ворвались во вторую. Перемещая два своих «максима» на линию первой цепи, и они бьют с занятых позиций вслед улепетывающим фрицам.

Распластались с командиром стрелкового взвода лейтенантом Григорием Сибилевым друг против друга.

— Давай курнем, — вынул он кисет.

Только потянулся рукой, — свист и глухой тычок в землю между нами. Глядим — стабилизатор мины торчит... Ошалело воззрев на него и друг на друга, разом сигаем метров на полсотни вперед. Мина не сработала.

— Чуть-чуть на войне не считается! — вытирая пилоткой вспотевший лоб, произносит Григорий.

Чую, как только теперь по телу расползаются мурашки. Однако времени на переживания нет. Убедился и в последующем: в пехоте «чуть-чуть» сплошь и рядом, но не очень редко и «точь-в-точь». К вечеру первого дня наступления в роте из девяноста человек в строю осталось только четырнадцать.

Минометным огнем фашисты заставили наши роты залечь перед очередной траншеей, а обещанных танков поддержки нет. Переправившись через Миус, они сосредоточились для развития успеха. Условия для этого уже подготовила, оплатила своей кровью пехота, преодолев сопротивление врага на первой позиции. Иначе тогда и не мыслилось: если сгорят танки на первой позиции, пиши — прорыв не получился.

Вместо выбывшего из строя старшего лейтенанта Андрея Киптилова командование взял на себя Сибилев. Поставил задачу выдвинуть оба «максима» на правый фланг, чтобы косоприцельным огнем прочесать третью вражескую траншею, поддержать новый бросок вперед стрелковых взводов. Почти вплотную к залегшей цепи выдвигаются «сорокапятки». Ими командует лейтенант Василий Архипов. Он и Сибилев — коренные десантники. Оба начали гнать фрицев от самой Астрахани. Еще до начала прорыва мы стали монолитной троицей.

Став подле орудий во весь рост, Василий отдает команды, сдабривая их крутыми добавками. Особенно если неудачно ложились снаряды.

— Приготовиться к атаке! — звенит голос Сибилева.

Сержант Мусагит Хабиров по моей команде выдвигает свой «максим» ближе к немецким окопам, чтоб надежнее поддержать стрелков. Под прикрытием огня «сорокапятков» и второго «максима» сержанта Василия Шилова расчет Хабирова переместился на новую позицию без потерь. Но вдруг второй расчет прекратил огонь. Вырываюсь к нему и ложусь за рукоятки пулемета. Смотрю, а в замке лента без патронов. Замешкались подносчики. Как только подбросили пару коробок с заряженными лентами, вставляем с Шиловым одну в замок и даю несколько коротких очередей. Спустя мгновения, по щиту «максима» гулко шелкают ответные пули. Затем одна за другой перед самым носом рванули мины. Оглушенный, с недоумением вижу в щель щитка развороченный кожух пулемета. Двое из расчета убиты, Шилов тяжело ранен. Меня, как видно, оборонил щиток...

Сибилеву ясно, что дальше лежать нельзя — перешелкают, не дав оторваться от земли.

— В атаку! За Родину, братва! — поднимается он первым.

Поредевшие взводы дружно идут за ним. Хабиров, слившись с пулеметом, бьет перед стрелками по немцам. Поднялась в атаку и действующая левее 9-я стрелковая рота. У них тоже остался один «максим», которым заправляет мой земляк и однокашник по Гурьевскому военному училищу лейтенант Василий Вахромеев. Свинцовые струи пулеметов да огонь «сорокапятков» расчищают пехоте путь.

— Гранатами — бей гадов! — командует Григорий. Он первым врывается в траншею, за ним все, кто остался в роте.

Прорвав всю позицию, идем через поросшую сосняком балку на Первомайские высоты. Высланная разведка докладывает, что за оврагом на скатах высоты — артбатарея. Поняв, что фашисты нас не заметили, стремительно атакуем. Те бегут при первых наших выстрелах.

Высота и орудия — в наших руках! Закрепляемся. Нас слишком мало осталось в двух ротах.

И тут в воздухе, сверкая звездчатыми крыльями, появляется девятка «илюш». Радостно вопим: «Ур-ра!». Как же, «крылатые братья» на поддержку примчались! А они, родимые, развернувшись, лихо идут на штурмовку «вражеской» батареи. Как предотвратить беду? Схватив одну из валявшихся на земле немецких газет и встав на бруствер, размахиваю ею:

— Не штурмуйте, свои!

Через минуту от газеты в руках только клочок. Видно, не догадались «братья», грохнули по своим — не высовывайся «царица полей» поперед батьки...

В бою пехоту набором чудес не удивить. Вдруг налетели «мессера» и взяли нас под защиту. «Илюшам» было уже не до штурмовки. Выстроившись кругом, они начали небесный хоровод, прикрывая хвосты друг друга. Да так и удалились от нас. Возможно, в сомнении, что не нагрешили. К счастью, ущерба нам не нанесли: немецкие артиллеристы окопы соорудили добротные.

— Ну вот, выходит, что спасибо «мессерам», — замечает, улыбаясь Григорий. — Давай-ка, Миша, снова берись сам за «максима». Не знал, что так лихо «чечетку» на нем выводил... Сейчас фрицы высоту отбивать полезут.

Не прошло и минут пяти, как вокруг начали рваться мины. Справа появились полусогнувшиеся силуэты гитлеровцев. Не стреляем: пусть приблизятся, поднимутся в рост. На помощь нам прибыл взвод 50-мм минометов во главе с моим одногодком розовощекиим лейтенантом Вадимом Зубаревым. Он смело взобрался на бруствер и, слегка красуясь, командует:

— Правее ноль двадцать!

— Ближе пятьдесят!

— Огонь!.. Огонь!

Вражеские минометчики замолкают. Обрадованно улыбаясь, Вадим спрыгивает в окоп. Закуриваем. Вдруг — отдаленный минометный выстрел. В окопе все сразу присели, кроме Вадима. Взрыв раздался совсем близко к окопу. Зубарев резко повернулся и медленно осел.

По брустверу захлестали вражеские пули. Уткнув в животы приклады «шмайссеров», непрерывно строча из них, гитлеровцы бросились на нас. Хабилов у меня за второго номера. Снова выбиваю «чечетку» на «максиме». Уже знаю, как подбадривает она стрелков. Да и сам чувствую себя под «музыку» неуязвимее. Гитлеровцы дружно поворачивают вспять. С десятков из них с земли не поднимаются.

— Спасибо, лейтенант! — кричат стрелки. — Не хуже, чем в кино «Чапаев»...

— Ах, бигряк хорошо, товарищ лейтенант, — радуется Хабилов (бигряк — значит «очень»). — Такой веселый концерт получился, так высыпали фрицам! Теперь и помирать не страшно ...

— Сержант Хабилов, отставить помирать! Нам еще до Берлина дотопать надо ...

— Есть отставить. Я очень даже не против погулять по Берлину, — отвечает с веселым задором сержант.

Радость победы омрачена тяжелым состоянием Зубарева, раненого большим осколком в челюсть. Вместо рта и зубов у него — кровавая масса, ужасно смотреть. Наложенную повязку он тут же срывает. Сделали послабее и отправили с двумя бойцами в тыл ...

К утру следующего дня подтянулась к нам и седьмая стрелковая рота. Возобновили наступление. Сбили вражеский заслон и пошли вперед, вдоль широкой балки. Фашисты пытаются смять нас встречным ударом. Мы с Вахромеевым оба лежим за уцелевшими пулеметами. Он в балке простреливает низину, а я на верхних ее скатах. Держу под огнем низину и противоположный склон. Оставшиеся в живых в наших расчетах набивают патронами ленты, подносят их в коробках, а также воду для кожухов.

«Максимы» — опасные для врага огневые точки. Их выискивают и уничтожают в первую очередь. Чтобы выжить, не подвести стрелков, обеспечить им должную поддержку, периодически меняем позиции. При этом каждый раз приходится отрывать новый окоп, маскироваться. Стрелки из всех сил помогают нам.

К полудню отбили пять натисков немцев. Обедаем и зорко следим за ними. Гитлеровцы молчат, возможно также обедают или что-то затевают. Воспользовавшись паузой, еще раз меняем позицию. Теперь наш пулемет чуть впереди расчета Вахромеева и ближе к нему. Кричу, чтобы и он передвинулся:

— Вася, меняй позицию!

— Не стоит, я здесь хорошо пристрелялся ...

При встрече утром увидел его на редкость тоскливый взгляд. Молнией мелькнула мысль: убьют, кажется, Васю! Теперь в его голосе слышалось полное безразличие ко всему.

Уговаривать не было времени: впереди снова замельтешили вражеские фигуры. Тут, наконец-то, подключились батальонные и полковые минометы. С их помощью отразили еще две контратаки.

Где же наши танки? Ведь пора бы им выдвигаться в прорыв. Но и немецких танков не видно. Неведомо было нам, что центром напряжения становится легендарная высота 277,9, именуемая Саур-Могилей, близ городка Снежное. Что вклинение 34-й гвардейской дивизии немецкое командование пытается локализовать силами, имеющимися на направлении ее наступления.

...Гитлеровцы поднимаются в очередную контратаку. В стык наших 8-й и 9-й стрелковых рот медленно ползут две вражеские само-

ходки — штурмовые орудия «фердинанд». «Сорокапятки» против них — козявки. Но одна из «козявок», расположенная почти в первой стрелковой цепи, самоотверженно ударила почти в упор по гусенице «фердинанда», заставив его крутануть на месте. Но другая самоходка прямым выстрелом тут же разметала отважный расчет. Неслучайно «сорокапятки» получили иронически-сочувственное прозвище: «прощай, Родина, и с ней пять человек»...

Нам с Василием ничего не оставалось, как пустить в ход ленты с бронебойными пулями, выискивая щели в надвигающихся «бронтозаврах». Патроны таяли, и отчаянные наши хлопоты оказывались напрасными. Не было успеха и у птэровцев — третьей после «максимов» и «сорокапятков» постоянной выручалочке стрелков. Вырвавшийся вперед «фердинанд» развернулся на пулемет Вахромеева. Менять позицию расчету было поздно...

Птэровцам что-то удалось повредить у самоходки. Но роковой выстрел она успела сделать. Пронзительный свист разрезал воздух. Там, где был пулемет Васи, взметнулся столб огня и пыли, вверх полетели какие-то ошметки.

Первым желанием было броситься туда, помочь чем можно. Но по всей балке начали рваться снаряды и мины. Стали выползать еще два «фердинанда», а сбоку от них — автоматчики.

— Готовь к бою противотанковые! — скомандовал Сибилев.

Гитлеровцы надвигались почему-то неспешно. Как бы выдавливали нас из балки, хотели, чтобы мы побежали. Автоматчики для нас — так себе, а вот «фердинанды» ... Дадут ли они уцелеть до броска гранаты?

Неожиданно вздрогнула земля. Позади раздался уже слышанный во время артподготовки характерный скрежет и вой. Перед нашими вырытыми наспех окопами и в надвигавшейся вражеской цепи с грохотом всплеснулись кроваво-черные взрывы. Огненный смерч, внезапно возникший и внезапно стихший, разметал боевые порядки противника. Когда рассеялась пыль, видны были лишь одиночки убегающих гитлеровцев и поспешно уползающий «фердинанд». Другой чадил дымным пламенем.

...Помощи боевому другу и его расчету уже не требовалось. Снаряд разорвался прямо на пулеметной площадке. За рукоятками «максима», посылая навстречу врагу огненные струи, не уступив позиции, погиб юный лейтенант Вахромеев. В этом же бою был тяжело ранен и другой «гурьевец» — лейтенант Рыжов.

Ранним утром через пару дней рота заняла небольшой хуторок. Зашли с Григорием в один из двориков попить колодезной водицы.

— Удержитесь ли, сыночки? — спросила пожилая женщина, дав напиток.

— Дальше погоним фашистов, мать! — заверяем ее оба с Сибилевым.

— Драться будем нещадно.

Испытующе, оценивающе посмотрела женщина:

— Вижу, будете драться. Так ведь сила силу ломит...Сказывают, немчура много танков выдвигает.

Оказалось, мы еще не знали того, что неведомыми путями стало известно этой женщине. В результате натиска нашей 5-й ударной армии под угрозой прорыва была не только вторая полоса обороны 6-й немецкой армии, но и весь «Миус-фронт». Чтобы предотвратить его крушение, гитлеровское командование перебросило к участку вклинения соединений Южного фронта 16-ю моторизованную дивизию, предназначавшуюся для использования под Харьковом, а также 336-ю пехотную дивизию. Но эти силы не справились с поставленной задачей. Тогда немцы перебросили еще 23-ю танковую дивизию, возвратив ее с пути следования в район Харькова, где назревали кульминационные бои. Вслед за ней из-под Харькова спешно направили для спасения «Миус-фронта» танковый корпус СС в составе танковых дивизий «Мертвая голова» и «Рейх», а также 3-й танковой дивизии (А. Ершов. Освобождение Донбасса. 1973 г. С.115-116).

Ценой огромных усилий врагу ненадолго удалось предотвратить крушение мощного оборонительного рубежа по Миусу. Вклинившиеся соединения Южного фронта, отведенные в исходное положение, чтобы не подвергаться удару мощной группировки, начали готовить новый натиск. Но это произошло позднее. А пока дивизия продолжала теснить противника. Я чуть ли не каждодневно сталкивался с неожиданностями. В ходе штурма совместно с соседним 105-м полком одной из безымянных высоток вижу — справа палит на ходу из РПД погодок мой, односельчанин Миша Куфтерин. Узнав друг друга, ошалело тискаемся в объятиях на макушке высоты. Хорошо, солдаты успели затащить нас в отбитый от немцев окоп. Только укрылись, немцы обрушили на высоту ливень огня...

Через пару дней, в бою за Степановку, поддерживая стрелков, мои пулеметчики в очередной раз меняли позицию. Только начали перебежку, как оказались под разрывами снарядов. Один лег прямо меж-

ду мной и пулеметным расчетом. Я оказался отброшен и засыпан в воронке, похоже, от снаряда «катюши». Когда вылез и отряхнулся, увидел опрокинутый «максим» Хабирова, а рядом его самого, схватившегося за грудь и пытающегося подняться. Вблизи лежал недвижный Антрушин...

Оставшиеся от пульвзвода человека четыре продолжали вместе со мной вести бой стрелками. Я мог гордиться своими подчиненными. Никто из раставшего за неделю взвода не уклонился от выполнения задач, не проявил малодушия. Отваги ребятам было не занимать. В связи со всем испытанным — пережитым за эти бои и за всю войну, а до мая 1945 г. их было еще множество, весьма сомнительным нахожу утверждение немецкого писателя, бывшего солдата вермахта, Генриха Белля о том, что «смелым человека делает страх, положение, в котором у него нет другого выбора, кроме как погибнуть — или быть смелым».

Думаю, неправомерно отождествлять смелость с отчаянием. Страх, как крайняя степень боязни, уже сам по себе исключает смелость. В отчаянии же человек способен на крайности в любую сторону — от панического бегства до сопротивления с безумной яростью. Нам, тогдашним 18-20-летним бойцам, не был, конечно, чужд инстинкт самосохранения. Знали мы и что такое страх. Но побеждало чувство долга, сознание недопустимости поддаваться страху, коль враг все еще топчет Отчизну. И это было главным мотивом большинства примеров отваги и жертвенности советских воинов.

...Овладев Степановкой, 107-й и 105-й гвардейские полки, продолжая соседствовать, устремились к Саур-Могиле. Во второй половине дня 26 июля на подмогу стрелкам наконец-то подошло несколько «тридцатьчетверок». Не мешкая, пехота рванула за ними в атаку. Однако фашисты, пропустив танки через окопы, открыли по стрелкам плотный огонь. Но остановить их напор было уже не просто.

Снова вижу — чуть впереди сбоку от меня знакомую фигуру. Миша Куфтерин, слегка пригибаясь, бьет из РПД короткими очередями и безостановочно движется, сопровождаемый вторым номером, к немецким окопам. Вскочил правее от него в траншею и я. Интуитивно почувствовав опасность справа, дал туда очередь и ППШ. Только увидел повалившегося гитлеровца, сразу же был оглушен взрывом, почувствовал сильный удар в правое плечо. Рука с автоматом повисла плетью — гитлеровец успел швырнуть гранату.

Миша сделал мне перевязку и снова ринулся в бой. Судьба всю войну оберегала моего друга. От Сталинграда до Вены дошел он невредимым. Много ли найдется таких в пехоте?

... Полевой операционный столик, на который положили меня в медсанбате, подрагивал. Недалеко от спрятанных в лесу санитарных палаток ухали разрывы бомб, в отдалении прогремывали залпы дальнобойных орудий. Крепко привязав мои ноги к столику, его поддерживал обросший сединой санитар.

— Зачем привязали? — спрашиваю в недоумении.

— Потерпи, лейтенант, больновато будет, — предупредил, берясь за дело, хирург.

Чую, манипуляции его далеки от приятных и не сулят успеха. Взяв здоровой рукой свой чуб в горсть и стиснув зубы, терплю. Нож хирурга проникает все глубже. Я весь взмок от боли. Кажется, что располосовано все плечо, что уже полдня идет операция.

— Подари мне свое фото, лейтенант, — в который уже раз говорит, щекоча губами мое ухо, симпатичная сестричка. Она видит затруднения врача, пытается отвлечь меня от пронизывающей боли.

— Иди ты ... — наконец не выдерживаю я.

И тут прямо над головой раздается пронзительный вой. За ним свист и оглушительный грохот. Половина палатки, куда повернута моя голова, неожиданно запрокидывается. Сверху сыпятся комья земли и еще чего-то.

Хирург и медсестра, согнувшись, как бы накрыли меня на операционном столике своими телами. Восхищенно смотрю на обоих: ведь рядом с палаткой открыты щели. Но они, сдержав страх, не сбежали в них, не бросили оперируемого.

Как жаль, подумалось, что нет у меня фотографии ...

Бои на Миусе стали для меня суровым испытанием и закалкой на командирскую зрелость. В ходе их убедился как в опытности и силе врага, так и в способностях наших воинов разгромить его.

ПРЕОДОЛЕВАЯ «ВОСТОЧНЫЙ ВАЛ»

По прибытии из госпиталя нас с Сибилевым обоих повысили в должности. Он стал командиром стрелковой роты, в которой насчитывалось едва больше трех десятков бойцов. Я принял пулеметную роту с одним — разьединственным «максимом». Дивизия шла на прорыв позиций «Восточного вала», оборудованных по обеим сторонам реки Молочной. Наш 107-й гвардейский стрелковый полк, вклинившись к 30.9.1943 г. на глубину до 3-4 км, уткнулся во вражеские противотанковые рвы и эскарпы. Чтобы преодолеть их, стрелковые роты заготавливали лестницы и крючья.

Догадавшись о назначении этих приспособлений, немцы выбивали в рядах атакующих в первую очередь носильщиков с лестницами. Но смекалистая пехота все равно находила способ добраться до вражьего горла: съехавшие на ягодицах в рвы, выстраивали живые лестницы — став на плечи друг другу, тянули за собой остальных, в том числе пулеметчиков и птэровцев с матчастью. Собравшись в группы, при поддержке выдвинутых к рвам самоходок роты бросились в атаку. Прореживаемые вражеским огнем, они таяли на глазах ...

Полку удалось пробиться к селу Зеленый Гай. Три раза переходило это село из рук в руки. В нем остались только сгоревшие хаты да обуглившиеся тополя, иссеченные осколками снарядов и пулями. В селе и окрест горели вражеские и наши самоходки. А пехота каким-то чудом выжила и даже продолжала напор. Но вот подошло десятка два «тридцатьчетверок». Они с ходу рванули в Зеленый Гай. Мы — за ними. А из села в упор ударили «фердинанды». Что ни выстрел — факелом вспыхивает «тридцатьчетверка». Оставшиеся, маневрируя и отстреливаясь, медленно отползают.

В этот момент из села, набирая скорость, двинулись «тигры». Разгорелась танковая дуэль. Под встречными огненными трассами — остатки наших стрелковых рот. Единственный в батальоне мой «максим» искорежен осколками. Недалеко от погибшего расчета бронебойщиков осталось противотанковое ружье. Подзываю одного из пулеметчиков, схватываем птэр и укрываемся в окопе лежа. Есть патроны к нему. Изготовившись, ждем. «Тридцатьчетверки» второй линии ведут огонь с места. Видим, как вспыхивают вражеские танки. Но оставшиеся упорно наползают. Вот уже совсем приблизились к нам. Один чуть подставил борт. Три выстрела, три сильных удара в плечо. Но стальная шкура «тигра» непробиваема, и он упорно лезет вперед. Вдруг резко крутанул и стремительно рванул на нас.

— Ах, дьявол! Раздавить хочет...

Молниеносно выбрасываюсь из окопа и ... оказываюсь между гусеницами танка. Целую вечность лязгают гусеницы. С тела как кожу будто сдирают, ползу, изворачиваясь ящерицей. Выскакиваю из-под танка, ослепительный взрыв, удар...

Очнулся в глубоком окопе с перевязанной головой недалеко от горящего «тигра». Перетащили меня полковые разведчики. Перевязали. Что-то говорят, но я только вижу, как шлепают губами. Левый висок будто припечен каленым железом.

Слух вернулся ко мне дня через три в медсанбате. Узнал, что немцев все-таки отбросили, но от батальона остались «рожки да нож-

ки». Упросил не эвакуировать в госпиталь. Через недельку влился в команду выздоравливающих ...

1 ноября 34-я гв. СД пробились в Верхнему Рогачику, от которого до Днепра — рукой подать. Стремясь во что бы то ни стало удержать на левом берегу Днепра свой Никопольский плацдарм, немцы нанесли удары по флангам дивизии и замкнули вокруг нее кольцо. Но, вопреки их ожиданиям, в плен никто не сдавался. Напротив, гитлеровцам пришлось отражать сильные контратаки. Через полтора дня дивизия при поддержке авиации и артиллерии ринулась на прорыв, в который включился весь «окольцованный» личный состав, в том числе и из команд выздоравливающих. Разыскав свой полк, с повязкой на голове и автоматом в руках, пошел вырываться из западни и я. Буквально разметав вражеские заслоны, дивизия вышла из окружения и 7 ноября заняла оборону в районе села Украинка.

В это время в командование 107-м гв. СП вступил выпускник Военной академии им. В.В. Фрунзе майор Щербак Н.П. Ознакомившись с личными делами офицеров, после краткой беседы он назначил меня, 19-летнего лейтенанта, начальником штаба 1-го стрелкового батальона (адъютант старший батальона по штатному расписанию). Вскоре дивизия выводится из боя и сосредотачивается под Майчекраком. После кратковременной подготовки она 20 ноября идет в наступление с целью прорыва к Каменке Днепровской. Выполняя приказ, раз за разом поднимаемся на «ура». Но тщетно. Через неделю — другую прибывшего под Майчекрак пополнения как не бывало.

В начале декабря снова выводимся на доукомплектование. Полк расположился в совхозе Веселый. Подразделения проходят санобработку, отмываются, отстирываются, приводят в порядок оружие и снаряжение. Опять принимаем пополнение. С комбатом капитаном Сергеевым Н.А., уроженцем Валдая, у нас полное взаимопонимание. Он великолепно играет на гитаре и владеет чудесным тенором. Вечерами иногда заглядывает к нам командир полка, чтобы послушать исполнение Сергеевым родного напева:

Словно море Селигер глубокий.
Круги вьются за кормой,
Кружит, кружит ястреб одинокий,
Кружит ястреб над волной...

Однако главная наша забота — подготовка подразделений к новым наступательным боям. Основное время тратим на тактическую и

огневую подготовку. Хотя слякотная приднепровская зима этому не очень благоприятствовала.

Памятуя о воинской заповеди — «командир должен быть щедр на солдатский пот, но скуп на солдатскую кровь» — мы с комбатом упорно проводили учебно-тренировочные атаки и штурмы. Кое-кому из подчиненных они казались бессмысленными играми начальства. Иные предпочли бы лучше пригреться где-то, да отоспаться хорошенько. Но Сергеев неистовствовал. Яростно распекал за недостатки в действиях, приказывал повторять атаки. Роты, доукомплектованные молодыми ребятами, безостановочно перли на «вражьи» позиции. Собравшись перед ними в кучки, что есть мочи вопили «Ур-ра-а!!!»

Комбат злился. Вызвав к себе ротных, взводных негодовал.

— Головоотяпство! Безграмотность! Сколько раз говорить: на рубеж перехода в атаку — перебежками! Вот в атаку подниматься — все разом. Да не скучиваться! Кучу фашистам бить легче ...

Умение передвигаться к рубежу перехода в атаку в зависимости от обстановки — бросками повзводно, по отделениям, одиночными перебежками — залог живучести пехоты, успеха боя в глубине. Сергеев лично тренирует каждую роту. Приходит в еще большую ярость, когда видит, что кто-то, атакуя, не имитирует ведения огня на ходу. Возвращает роту, выводит вперед виновников, всюю надрывается в справедливом гневе.

— Что у тебя в руках: сковородник или винтовка?!

Молодой боец не сразу смекает, почему его винтовку можно считать сковородником.

— Винтовка ...

— Так бей из нее, стреляй на ходу по врагу, чтобы он головы не мог поднять из окопа, в тебя стрельнуть!

Особенно достается неопытным ручным пулеметчикам. Их комбат вразумляет отдельно.

— С чем на врага идете — с пулеметом или оглоблей?

— С пулеметом ...

— Так зачем же идти с ним, не стреляя на ходу? Огнем надо бить фашиста, а не раструбом ствола!

Сергеев берет РПД на изготовку и показывает, как надо палить из него на ходу.

— Поймите, — обращается он к бойцам, — чтобы выжить в атаке, одолеть врага, надо все время бить его огнем из винтовки, автомата, пулемета. Гранатой бить и, наконец, доконать штыком и прикладом...

ПРОРЫВ НА АПОСТОЛОВО

В январе 1944 г. 34-я гв. СД в составе 31-го гвардейского стрелкового корпуса перебрасывается на отвоеванную часть правобережья Днепра и включается в состав 46-й армии 3-го Украинского фронта. 30 января переходом в наступление фланговых 37-й и 6-й армий. Фронт начинает Никопольско-Криворожскую операцию. На следующий день силами 46-й и 8-й гвардейской армий наносится главный удар по противнику. Наш 107-й гв. СП идет на прорыв в районе Терноватки на левом фланге 34-й гв. СД, которая наносит главный удар на правом фланге силами 105-го гв. СП. Однако атаки этого полка застыли уже на первой позиции. У нас же дело шло веселее, хотя и не без потерь. Натренированный личный состав атаковал, как на учениях — не скупиваясь, ведя интенсивный огонь на ходу, дружно метнув гранаты с приближением к окопам противника. Как только полк овладел первой траншеей, комдив решил перенести усилия на левый фланг и перебросил нам на подмогу артдивизион.

1-й стрелковый батальон оказался на самом остром прорыва. Сергеев, перегретый наркомовскими стограммовками, все норovil возглавить атакующих. Его призывное размахивание рукой с пистолетом противник не мог не заметить. Пуля гитлеровца пробороzdила комбату щеку, но он с перевязкой на голове упрямо шел в первой линии. Я, соответственно его распоряжению, следовал с радистами за ротами первого эшелона.

— Принимай командование батальоном, Белов! — приказал майор Щербак, заслушав мой доклад о ходе боя. — Направляю тебе 76-мм батарею Рябокопя. Ударьте прямой наводкой и — вперед!..

После овладения селами Еленовка, Чемеринская, Михайловка получил задачу пробиться за ночь с батальоном к станции Апостолово и обеспечить выгодные условия для ее взятия главными силами. Ночные действия для нас стали обыденным делом. Движемся по азимуту, преодолевая вязкую топь раскисших дорог и полей. Через каждые полчаса меняю дозорных: утомленные бездорожьем, они могут не заметить противника...

— Пробиться к Апостолово до рассвета, Белов! — требовательно напоминали о себе слова командира полка.

Вот замигали фонарики дозорных: впереди — противник! Выяснилось, что перед нами колонна немецких машин, застрявшая в дорожной грязи. Много времени на раздумье нет. Сквозной атакой головная рота разгоняет охрану. Чуть забрезжил рассвет, выходим к же-

лезнодорожной линии Апостолово — Днепропетровск. Даю команду закрепиться, готовиться к атаке на станцию.

Но и противник не дремал. Слева от железной дороги медленно начали выползать его танки. Справа, за посадкой, зашевелилась пехота, конники. Враг готовит контратаку!

Не медля даю ротам команду изготавиться к бою. Указываю позиции для ПТР, «максимов». Очень бы нужен в этот момент огонь батальонных минометов. Но они поотстали.

Слева от железнодорожного полотна занял позиции расчет ПТР в составе однофамильцев Николая Николаевича и Ивана Антоновича Литвиновых. Оба бывалые бойцы. Оборудовав позицию, они выждали, когда один из напозлавших танков повернулся к нам бортом, и точным выстрелом подожгли его. Другой танк обнаружил позицию храбрецов и ударил по ним из пушки. Осколком был контужен один из Литвиновых, другой бил по второму танку пока и тот не загорелся.

Прямо с железнодорожной насыпи вдоль ее правой стороны через посадку начали поливать огнем сосредоточивающихся там гитлеровцев два наших «максима». Минометным огнем гитлеровцы выводят из строя расчет одного из них. С сержантом В.И. Комиссаренко, уроженцем Никополя, бросаемся к опрокинутому пулемету. Раненые из расчета просят о помощи. А враг уже у самой посадки.

Быстро поднимаем пулемет, ставим, охватив колесами шпалу. Я за первого, а Владимир за второго номера. Дело мне знакомое...

Выбиваю очередями любимую «четку»: так-так! так-так-так...

— Помирать так с музыкой, — смеется Комиссаренко, направляя ленту.

— Как бы не так! — отвечаю стиснув зубы. — Пусть они, гады помирают, а мы будем жить и их бить!

«Четка» становится все забористей, подзадоривает, веселит солдат. Некоторые взбираются на насыпь, встают во весь рост, стреляют из винтовок вслед убегающим гитлеровцам.

— Так их, старший лейтенант! Жарь им, сволочам, под хвост! — радостно вопят.

Довольно удачным получился и этот «концерт». Фашисты уже не поднимались, ползли по сторонам и назад. У бойцов прибавилось уверенности, боевого задора.

Вскоре заняли назначенные позиции батальонные 82-мм минометы. Как только над головами наших бойцов просвистели и начали рваться в расположении противника мины, стрелковые роты решительно двинулись в атаку. С ходу ворвались на станцию. А на ней пыта-

ются сотворить свое черное дело команды подрывников и поджигателей. На рельсах — убитые фашистами люди в гражданской одежде. Видимо, железнодорожные рабочие, служившие у оккупантов по принуждению. В депо — расстрелянная группа советских людей.

Каратели не ожидали столь быстрого прорыва наших бойцов и были захвачены врасплох, буквально на месте своих злодеяний. Большинство из них было перебито в завязавшейся схватке. Четверо жандармов (судя по латунным бляхам на груди) схвачены прямо у подрывных устройств.

Нам удалось предотвратить уже подготовленный взрыв железнодорожного полотна, депо и других станционных сооружений. Надо было не допустить злодеяний фашистов в городе, поскорее полностью очистить его от врага. Этому способствовали решительные действия главных сил нашего и соседнего справа 105-го гвардейского полка, который захватил железнодорожную линию на Кривой Рог и атаковал фашистов в Апостолово вдоль этой линии с северо-запада. В это же время 103-й гвардейский стрелковый полк, нашей же дивизии, перекрыл подход резервов врага из Кривого Рога по железнодорожной и шоссейной дорогам. Правее его с аналогичной задачей развернули действия полки 40-й гвардейской стрелковой дивизии.

Решительным натиском с двух направлений дивизии 31-го гвардейского стрелкового корпуса сломили сопротивление врага и при поддержке других соединений 46-й армии к полудню 5 февраля полностью освободили город от гитлеровцев. При этом были захвачены трофеи: орудий разных калибров — 230, танков — 43, штурмовых орудий — 15, автомашин — 3000, паровозов — 4, вагонов — 300, а также цистерны с горючим, склады боеприпасов, вооружения и военно-технического имущества (ЦАМО, ф. 401, оп. 9543, д. 181, л. 69).

Собрав командиров после взятия Апостолово, майор Щербак поздравил с успехом и поставил задачу выходить к вечеру на поселок Червоный. Не склонный к перехваливанию подчиненных, он все же назвал действия 1-го стрелкового батальона в минувших боях наиболее удачными и снова назначил его в авангард.

СЛУЧАЙ НА ПЕРЕПРАВЕ ЧЕРЕЗ ИНГУЛЕЦ

Выступили на Червоное к вечеру, когда уже стало смеркаться. Шли рядом с головной ротой. С батальоном пошел и замполка майор Валовой Ф.П.

— Где научился такой веселой пулеметной музыке? — спросил майор, имея в виду мою «чечетку» на «максиме» при отражении контратаки под Апостолово.

— На Миусе была самая большая школа! — отвечаю ему в тон.

— Молодец! Наверно, брешься еще не более раза в неделю, а воешь толково. Образование-то какое?

— С третьего курса педучилища я, да десять месяцев Гурьевского военно-пехотного...

Чувствуя доброжелательность, охотно отвечаю на вопросы, рассказываю о родной Башкирии, о нашей большой семье.

— А я из Кустанайской области, — рассказывает о себе Федор Петрович. — Родился в 1911 г., двигаюсь в старики. Свердловское пехотное закончил, по полной программе. А вот гражданское образование — только семилетка. — И добавил: «чечетка» твоя, конечно, хорошо подбодрила бойцов. Но не забывай, что теперь ты отвечаешь не за пулемет, а за батальон.

Внезапно позади нас в колонне рвануло. Послышались раздражающие душу крики: «Спасите! Помогите!»

Во все стороны засверкали лучи фонариков. Шедший за нами командир пулеметной роты, «гурьевец» по училищу и рождению, старший лейтенант Василий Красильников, ойкая охватил голову.

— Миша! Миша! — я, кажется, сильно ранен...

Вижу при свете фонарика, как из-под стиснувших голову его рук струится темная жижа. Батальонный врач тут же сделал перевязку. Василий едва смог махнуть рукой на прощание. Не дотянув до медсанбата, он скончался. Мне же предстояло послать в Гурьев печальную весть...

Что взорвалось — заложенная на дороге мина или лимонка Ф-1, беспечно подвешенная кем-то с запалом к поясу, — сразу было не определить. Подъехавший на коне Щербак оставил для разбирательства Валового, а сам с авангардом направился вперед: надо было поскорее занять Червоное, пока бежавшие гитлеровцы не вернулись в него.

Оборудовав позиции вокруг села, полк вынудил немцев просидеть остатки февраля под вьюгой и сырыми ветрами в поле. Сюда, к неудовольствию Щербака и Валового, на должность командира 1-го стрелкового батальона из дивизии прислали чем-то провинившегося в морской пехоте капитана Александра Севастьянова.

В конце месяца дивизия получила приказ выдвигаться для участия в новой наступательной операции, названной в последующем Березниговато-Снигиревской. Пытаясь задержать ее выдвижение,

противник разрушал мосты на дорогах, устанавливал мины в наброс, устраивал засады. В воздухе одна за другой кружили разведовательные самолеты «рамы». По их наводке коршунами бросались на нас «мессеры». С утра 4 марта полк начал переправу через Ингулец. Мне снова пришлось командовать батальоном вместо отозванного куда-то Севастьянова. С помощью малого местного паромика переправа шла ни шатко ни валко. И это хорошо видели с воздуха немецкие разведывательные «рамы».

— Скоро у тебя Валовой будет, поможет... — сообщил по радиации Щербак.

Майор приехал с тремя бричками, полковыми саперами. Похвалил, что подразделения не толпятся у реки, а находятся в укрытии и группами выходят к парому. Сам выбрал место для новой переправы. Сам руководил наводкой узенького штурмового мостика шириной на одного человека. Делал все как профессиональный сапер — командир.

Мостик укрылся под водой на глубине 5-10 см от поверхности: сверху его и не сразу заметить. С интервалом 5-7 метров побежали по мостику бойцы...

Сев на кучу бревен, наблюдаем за переправой. Неожиданно из-за крутого противоположного берега вынырнул «мессер», а спустя мгновения — еще два. Стрекотом и воем, огнем их крупнокалиберных пулеметов нас буквально сдуло с бревен.

Быстро вскочив на ноги, вижу лежащего на земле Валового. Крупнокалиберная пуля, пронзив его тело с одного бока, торчала из другого. Швы шинели и офицерский ремень на ней лопнул. Смерть наступила мгновенно...

В БОЯХ ЗА БУДАПЕШТ

По возвращении в 107-й гв. СП после очередного (третьего) ранения на Южном Буге, я был назначен заместителем начальника штаба полка по оперативной работе (ПНШ-1). И в этой должности прошел фронтовыми дорогами через Молдавию и Румынию, Болгарию, Югославию и Венгрию. Немцы, пытаясь деблокировать окруженные войска в Будапеште, в ночь с 1 на 2 января 1945 г. обрушились на позиции нашего полка, державшего оборону в районе Альше-Галла. К утру им удалось вклиниться в боевые порядки 1-го стрелкового батальона, которым командовал старший лейтенант Львов И.В.

Но, так и не освоив толком за многие годы специфики ночных боев, гитлеровцы запутались в собственных боевых порядках и открыли пальбу друг по другу. Часть их танков и бронетранспортеров, опрокинувшись в воронки от бомб и крупнокалиберных снарядов, оказалась в западне. Заплутавшие автоматчики обошли командный пункт Львова.

Получаю приказ пробиться к его батальону со взводом автоматчиков и помочь ему выбраться из блокады. Воспользовавшись темнотой, выходим по телефонному кабелю почти на самый командный пункт. Подключаемся к линии.

— Иван, я — Белов, рядом с твоим КП, — сообщаю Львову. Чем помочь тебе?

— Быть не может! — отвечает комбат. — Над нами танки прошли, а кругом орут и стреляют гитлеровцы.

— Вылезайте и бейте их, как только услышите нашу стрельбу из ППШ, — предлагаю ему.

Рассмотрев в полумраке озирающихся по сторонам немецких автоматчиков, открываем огонь и с криком «ура!» бросаемся на них. Не приняв боя, они улепетывают. Бегут и экипажи застрявших в воронках танков. Мы — на КП Львова.

— Спасибо тебе, сынок, самое большое спасибо! — стиснул меня в объятьях Мусаэлян после доклада о выполнении приказа. — Не только батальон ты спас, но и чест полка, — добавляет он с кавказским акцентом.

— Да ты просто герой, старший лейтенант! — присоединился к нему замполит полка майор Пястелов В.А.. — Ведь мы уже начали подумывать, что, видимо, по батальону Львова придется отходную петь ...

Однако следующей ночью события повторились. Понуждаемые командованием, гитлеровцы опять проникли ночью через боевые порядки 1-го батальона. Наши бойцы не растерялись. Зная ночные страхи врага, они затеяли с ним игру в ловушки: обозначая огневые точки то в одном, то в другом месте, ослепляя гитлеровские экипажи ракетами, заманивали их танки в глубокие воронки.

Мне снова приказано идти вызволять батальон и укрывшегося в бункере командира. Только наметили удобный проход, как из-за строений вырываются два вражеских бронетранспортера, ведя огонь во все стороны. Бросаю из-за угла противотанковую гранату и тут же опрокидываюсь не то от взрыва, не от сильного удара в ногу. Чувствую, как пылает вновь покалеченное левое бедро...

Это ранение с последующей переправой через покрытые шугой холодные воды Дуная едва не привело к ампутации ноги. Спас появившейся тогда пенициллин да заботливость госпитальных врачей и сестер. Именно благодаря им я смог продолжить свой путь до Вены, а службу армейскую — до 1988 года.

Все военные и послевоенные годы считал священным долгом полностью отдавать себя служению Родине, укреплению и повышению боеготовности ее Вооруженных Сил. Считал долгом быть для соратников, сослуживцев и подчиненных примером добросовестности и чести. Мы, вернувшиеся с полей Великой Отечественной Войны победителями германского фашизма, завершаем наш жизненный путь с сознанием выполненного долга и с естественным желанием, чтобы память о фронтовых свершениях наших и о павших соратниках не заросла травой забвения, чтобы большой и малый военный опыт, добытый потом и кровью, не остался втуне, но послужил во благо Отечества.

Май 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Хохлов Игорь Валерьевич*, студент 4-го курса Московского инженерно-физического института